

ГЛАВА 1

Мужчина за моей спиной стоит настолько близко, что я чувствую его дыхание на своей коже. Я чуть подаюсь вперед, прижимаясь к серому плащу другого пассажира. Плащ воняет мокрой псиной. Дождь идет с самого начала ноября — и мне кажется, что он не прекращался ни на минуту. Над разгоряченными телами в толкоте вагона поднимается пар. Чей-то дипломат вжимается мне в ногу. Поезд резко сворачивает, но окружающие люди поддерживают меня, не давая упасть, и я невольно выставляю вперед ладонь, опираясь на пассажира в сером плаще. На остановке «Тауэр-Хилл» из вагона вываливается десяток людей, но два десятка новых пассажиров тут же занимают их места — вечер пятницы, всем не терпится вернуться домой.

— Не стойте у дверей, проходите внутрь вагона! — доносится из динамика.

Но никто не двигается.

Мужчина в сером плаще вышел, и я заняла его место. Тут лучше — во-первых, можно держаться за поручень, во-вторых, никакой незнакомец больше не дышит мне в шею. Поток людей сумку увлекло мне за спину, и я с трудом возвращаю ее на место. Два японских туриста с гигантскими рюкзаками занимают вдвое больше места, чем положено на пассажира. Какая-то женщина в другом конце вагона замечает, как я смотрю на них, перехватывает мой взгляд и морщится в знак солидарности. Я поспешно отворачиваюсь и смотрю себе под ноги. Сколько здесь разной обуви! Мужские начищенные туфли выглядят из-под брюк в тонкую полоску, яркие женские сапожки на высоких каблуках и с удлиненным носком явно сдавливают пальцы. Вижу я и пару щегольских чулок, матово-черных, венчающихся совершенно не подходящими к ним белыми кроссовками. Владелицу чулок скрывает толпа, но я думаю, что ей лет двадцать и она надевает кроссовки в дорогу, пряча модные офисные туфли в большой пакет или в ящик стола на работе.

Я никогда не носила на работу каблуки. Я едва переросла кеды «Кларкс», когда забеременела Джастином, а в супермаркет «Теско» или на прогулку с малышом в обуви на каблуках не пойдешь. Теперь мне уже достаточно лет, чтобы не идти на такие жертвы. Час в вагоне по дороге на работу, еще один час — по дороге домой. Сломанные эскалаторы. Мамаши с колясками, подростки с велосипедами. И ради чего? Восемь часов за столом. Нет уж, я лучше буду надевать обувь на каблуках на праздники, по особым случаям. На работу я всегда ношу черные брюки с эластичными кофточками, которые не надо гладить, — такая импровизированная униформа выглядит достаточно прилично, чтобы сойти для офиса. А в нижнем ящике стола я храню вязаную кофту — на тот случай, когда клиенты идут один за другим, дверь непрерывно открывается и закрывается и в офисе становится холодно.

Электричка останавливается, и я протискиваюсь на платформу. Отсюда я поеду наземкой, и хотя там столь же многолюдно, я чувствую себя куда комфортнее. В метро мне не по себе, трудно дышать, хотя я и знаю, что виной всему мое воображение. Мне хотелось бы работать где-нибудь неподалеку от дома, чтобы до офиса можно было дойти пешком, но такого никогда не случится: хорошо платят только за работу в центре, а цены на аренду жилья приемлемые только ближе к окраине города.

Электричку приходится ждать, поэтому я покупаю в киоске рядом с билетным терминалом «Лондон газетт». Мрачные заголовки соответствуют сегодняшней дате — пятница, тринадцатое ноября. Полиция раскрыла очередной план террористов, и первые три страницы заняты описанием взрывчатки, изъятой в квартире в северной части Лондона. Я просматриваю снимки бородатых мужчин и подхожу к трещине в покрытии на платформе под вывеской станции — именно там откроется дверь вагона. Если встать перед трещиной, я смогу протиснуться на свое любимое местечко до того, как вагон наполнится людьми. Мне нравится сидеть в хвосте вагона, где можно опереться на окно. Вагон быстро переполняется, и я смотрю на стоящих, радуясь тому, что неподалеку нет пожилых людей и явно беременных женщин, — значит, никому не придется уступать место. Несмо-

тря на туфли на низких каблуках, ноги у меня болят — сегодня я целый день простояла у канцелярского шкафа. Вообще-то, я не должна раскладывать документы в шкафу. У нас работает девушка, которая снимает копии со всех документов по недвижимости и должна поддерживать порядок в нашем архиве. Но она уехала на Майорку на две недели — и, судя по всему, уже давно не занималась архивом. Я обнаружила, что документы по жилым помещениям лежат вперемешку с бумагами по офисным зданиям, а договоры аренды — вперемешку с договорами купли-продажи. И допустила серьезную ошибку, сказав об этом.

«Ты бы навела там порядок, Зоуи», — буркнул Грехем. И вот, вместо того чтобы договариваться о просмотре жилья, я целый день простояла на сквозняке в коридоре под кабинетом Грехема, жалея, что вообще открыла рот. «Холлоу и Рид» — неплохое место работы. Раньше я приходила туда раз в неделю и вела бухгалтерию, но потом секретарша ушла в декрет и Грехем предложил мне ее подменить. Я бухгалтер, а не секретарша, но зарплата была отличная, а я в последнее время потеряла пару клиентов, поэтому ухватилась за этот шанс. Прошло три года — и я все еще работаю там.

К тому времени, как мы подъезжаем к станции «Канада Уотер», в вагоне уже не таклюдно и стоят только те, кому не хочется садиться. Мужчина рядом со мной так широко расставил ноги, что мне приходится сидеть вполоборота, и когда я смотрю на противоположные сиденья, то оказывается, что в этой же позе устроились еще двое мужчин. Интересно, они поступают так осознанно? Или какой-то инстинкт заставляет их занимать больше места, чтобы казаться крупнее остальных? Женщина передо мной передвигает пакет с продуктами, и я слышу звон винных бутылок. Надеюсь, Саймон не забыл поставить вино в холодильник: у меня выдалась долгая неделя, и прямо сейчас мне хочется улечься на диване и посмотреть телевизор.

Пару страниц «Лондон газетт» занимает интервью бывшего финалиста шоу «Х-Фактор» — он жалуется на «издержки славы». Еще одна страница посвящена обсуждению законов о неприкосновенности частной жизни. Я читаю, не вдумываясь, просматриваю фото и пробегаю взглядом заголовки, чтобы хоть

как-то оставаться в курсе событий. Не помню, когда я в последний раз спокойно читала газету или смотрела новости от начала до конца. За завтраком я урывками смотрю новости на канале «Скай Ньюс», а по дороге на работу и домой читаю заголовки газет, иногда — заглядывая кому-нибудь через плечо, вот и все.

Электричка останавливается между станциями «Сайденхем» и «Кристал Пэлс». Я слышу, как в вагоне кто-то разочарованно вздыхает, но не поворачиваю голову. Снаружи уже темно, и когда я смотрю в окно, то вижу только собственное отражение — еще бледнее меня, искаженное дождем. Я снимаю очки и протираю переносицу. Мы слышим объявление, доносящееся из динамика, но звук настолько приглушен, что я не могу разобрать ни слова. Могло случиться все, что угодно: от сбоя сигнала до тела на путях.

Надеюсь, дело не в теле. Я думаю о бокале вина, о том, как лягу на диван и Саймон помассирует мне ноги... Но затем мне становится стыдно: почему я думаю о собственном комфорте, а не о несчастном самоубийце? Впрочем, я уверена, дело не в трупе. Люди бросаются под поезд в понедельник утром, а не в пятницу вечером, когда до начала рабочей недели остается еще целых два с половиной благословенных дня.

Слышится треск, затем воцаряется тишина. Чем бы ни была вызвана остановка, мы застряли тут надолго.

— Плохо дело, — говорит мой сосед.

— Хм... — уклончиво отвечаю я.

Я пролистываю страницы газеты, но спорт меня не интересует, а кроме новостей спорта мне осталось просмотреть только объявления и театральные рецензии. Такими темпами я не доберусь домой раньше семи. Придется ограничиться легким ужином, а не жареной курицей, как я планировала. Саймон готовит на неделю, я же беру на себя эту задачу по выходным и вечером в пятницу. Саймон готовил бы всю неделю, если бы я его попросила, но разве я могу? Я не стану просить его готовить для нас — для моих детей — каждый день. Может, куплю что-нибудь готовое.

Экономические новости я пропускаю, смотрю на кроссворд, но у меня нет ручки. Поэтому я принимаюсь за объявления — может быть, сумею найти какую-нибудь работу для Кейти или

для себя, раз уж на то пошло, хотя я знаю, что никогда не уволюсь из «Холлоу и Рид». Там хорошая зарплата, к тому же я знаю, что нужно делать, и если бы не мой начальник, работа была бы идеальной. Клиенты у нас очень приятные — в большинстве своем. В основном к нам обращаются новые компании, которые ищут офисные помещения, или бизнесмены, решившие расширить штат. Жилыми помещениями мы почти не занимаемся, но квартиры над магазинами нравятся и покупателям, и арендаторам, решившим снимать жилье небольшой площади. Я часто общаюсь с недавно разведенными клиентами. Иногда, если это кажется уместным, я говорю им, мол, я знаю, через что они сейчас проходят.

«И все завершилось хорошо?» — всегда спрашивают меня женщины.

«Это было лучшее решение в моей жизни», — уверенно отвечаю я. Именно это они хотят услышать.

Никаких вакансий, которые устроили бы девятнадцатилетнюю девушку, мечтающую стать актрисой, я не нахожу, но зато заворачиваю угол страницы с объявлением о вакансии секретарши. Всегда стоит знать, какие есть варианты. На мгновение я представляю себе, как вхожу в кабинет Грехема Холлоу и вручаю ему заявление об увольнении, говоря, что не намерена терпеть подобное обращение, не намерена больше мириться с тем, что он относится ко мне как к грязи. Но затем я вижу зарплату к этой вакансии и вспоминаю, сколько времени и усилий у меня ушло на поиск работы, которая позволяет оплачивать все необходимое. Из двух зол выбирай меньшее, верно?

Последние страницы газеты занимают иски о возмещении убытков и новости финансовой сферы. Я намеренно не читаю объявления о сдаче жилья — учитывая цены, нужно быть сумасшедшим или вконец отчаявшимся человеком, чтобы согласиться на такое. Мой взгляд падает вниз страницы, где рекламируют секс по телефону.

Замужняя женщина ищет пристойного собеседника. Отправьте сообщение с текстом «Ангел» на номер 69998 — и получите фотографии!